

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

«ДУША, РОЖДЕННАЯ В РАЮ...»

Стихотворения Грибоедова «Душа» и «Восток» были напечатаны в 1830-х годах в журнале «Библиотека для чтения»¹. До недавнего времени грибоедовское авторство этих произведений находилось под сомнением: долгое время они если и включались в собрания его произведений, то в раздел «Dubia». Осторожность в данном случае обусловлена известной репутацией редактора журнала О. И. Сенковского, склонного к разного рода мистификациям. Тем самым молчаливо предполагается возможность редакторского обмана: выдачи за произведения Грибоедова сочинений другого автора. Нам представляется такое предположение нелепым. Издатель «Библиотеки для чтения» мог, конечно, смело редактировать присланные в журнал произведения, сокращая и дописывая их (но и то, коли дело касалось немаститых авторов), но пользоваться именем погибшего писателя во имя меркантильно-журнальных интересов ему, конечно же, не пришло бы в голову. Тем более, что к Грибоедову Сенковский неизменно питал чувство высокого уважения. И оно было взаимным. Имя Сенковского только единожды мелькает в переписке Грибоедова, но это упоминание говорит само за себя. «Тесть мой, — сообщал он И. Ф. Паскевичу в специальной депеше из Тавриза 30 октября 1828 года, — завоевал в Баязете несколько восточных манускриптов: сделайте милость, не посылайте их в Императорскую библиотеку, где никто почти грамоте не знает, а в Академию Наук, где профессора Френ

¹ Библиотека для чтения. 1835. Т. 8; 1836. Т. 14.

и Сенковский извлекут из сего приобретения возможную пользу для ученого света»². Заслуживают упоминания и факты, свидетельствующие о высокой оценке Сенковским комедии «Горе от ума».

Вероятно, по его инициативе в редактируемом им польском журнале «Баламут», издававшемся в 1831 году (№ 24–26), были напечатаны переведенные в стихах отрывки из комедии — это один из первых (наряду с двумя немецкими, появившимися в том же году) переводов Грибоедова на иностранный язык. Тогда же в качестве цензора Сенковский поддержал представленное в Санкт-Петербургский цензурный комитет ходатайство вдовы и сестры драматурга издать «Горе от ума», причем Сенковский предлагал печатать «Горе от ума» без цензурных купюр, напоминая, что пьеса уже известна всей грамотной России по многочисленным спискам. Правда, отстаивая это предложение в Главном управлении цензуры, Сенковский считал необходимым предпослать «предисловие к сей комедии, долженствующее быть напечатанным вместе с оной и дающее ей направление совершенно благонамеренное, показывая, в каком духе должно считать произведение остроумного пера Грибоедова и как следует понимать рассуждения разных действующих лиц», а в заключение специально оговаривался, что совершенно был бы уверен «в безвредности сей пьесы (...), если б мог расстаться с мыслью, что лично был дружен с покойным сочинителем и что, питая в себе беспредельное удивление к великому таланту, может в сем случае увлекаться некоторым пристрастием к превосходному памятнику его гения»³.

О том, что такого рода расшаркивания перед властью были обычным маневром, должным обеспечить прохождение комедии в печать, в полной мере свидетельствует рецензия О. И. Сенковского на первое (искалеченное-таки

² Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 3. СПб., 2006. С. 268.

³ Бабинцев С. М. К истории первого петербургского издания «Горя от ума» / Книга. Сб. 3. М., 1960. С. 427–428.

цензурой) издание «Горе от ума», помещенная в 1834 году в первом же томе «Библиотеки для чтения». «Кто безусловно поносит “Горе от ума”, — читаем здесь, — тот оскорбляет вкус всего народа и суд, произнесенный всею Россиею. (...) Подобно “Свадьбе Фигаро” это комедия политическая: Бомарше и Грибоедов, с одинаковым дарованием и равною пылкостью, вывели на сцену политические понятия и привычки обществ, в которых они жили, меряя гордым взглядом народную нравственность своих отечеств».

Это неоспоримо свидетельствует о том высоком уважении, которое неизменно питал Сенковский к гению Грибоедова, что само по себе уничтожает, на наш взгляд, возможность с его стороны рискованных мистификаций.

Их объединяли профессиональные ориентальные интересы, и вполне понятно, почему в распоряжении Сенковского оказались стихотворения, посвященные Востоку. Второе (напечатанное в 1836 году) стихотворение так и называлось. В первом же стихотворении «Душа» чуткое ухо ориенталиста тоже улавливало характерное для многих восточных верований представление о переселении душ⁴.

Вполне возможно, что автографы этих стихотворений были получены Сенковским от автора в память об общении или же были переданы редактору «Библиотеки для чтения» одним из его коллег по академическим занятиям — например, академиком Х. Д. Френом, с которым Грибоедов также встречался, планируя свои научные занятия ориенталистикой.

⁴ Библиотека для чтения. 1834. Т. 1, отд. VI. С. 43—44. Сенковским же была написана статья о Грибоедове, помещенная в «Биографическом словаре» Плюшара (Энциклопедический лексикон. Т. 15. СПб., 1838. С. 133—135). В составе архива В. Ф. Одоевского сохранился текст этой словарной статьи, посланный на отзыв С. Н. Бегичеву и А. А. Жандру (Российская национальная библиотека, ф. 539, оп. 2, № 512), более пространный, нежели напечатанный в «Словаре» и включающий анализ «Горя от ума», до словно совпадающий с рецензией Сенковского.

А то, что стихотворение «Душа» написано именно Грибоедовым, подтверждает одно «неожиданное сближение».

Описывая свое пребывание в Тифлисе в мае 1829 года, Пушкин заметил в «Путешествии в Арзрум»:

Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастья! от тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, Весна цветущая, от тебя, Луна двухнедельная, от тебя, Ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром; хочу твоего взора. От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росой! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! от тебя ожидаю жизни (VIII, 457—458)⁵.

Установлено, что Пушкин цитирует (в своей обработке) «Весеннюю песню» Димитрия Гуманишвили (умер в 1821 году), грузинский текст которой и подстрочный перевод на русский (записанные рукой неизвестного лица) сохранились в архиве Пушкина (ПД 802):

Вновь созданная душа,
В Эдеме произращенная,
Для счастья моего сотворенная,
От тебя ожидаю жизни, бессмертная!
От тебя, двухнедельная юная луна,
От тебя, цветастая, светлая весна,
От тебя, Ангел хранитель мой,
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни!
От тебя, прелестное изображение натуры,
Заря усугубленная,
Великолепно убранная красавица,
От тебя ожидаю жизни, бессмертная!

⁵ В беловом автографе «Путешествия в Арзрум» эти строки записаны на отдельном листке, позже основного текста.

Светлый образ твой сияет,
Твоя улыбка веселит,
Нежною поступью ты восхищаешь,
От тебя, бессмертная, жизни жду!
Питаю страсть к тебе,
Я жажду твоей улыбки,
Больше, чем обладания миром,
Хочу от тебя жизни, бессмертная!
Упоенная сладким териакom,
Приведенная оным в исступление,
От тебя, красавица, миры воспламеняющая,
От тебя ожидаю жизни, бессмертная!
Роза гор, росой окропленная,
Избранная любимица весны,
Всегда к тишине привыкшая,
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни!⁶

Именно мелодию этой песни имел в виду М. И. Глинка, касаясь в своих мемуарах событий весны 1828 года:

Провел около целого дня с Грибоедовым (автором «Горе от ума»). Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую потом А. С. Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне».⁷

Автограф ранней редакции этого стихотворения сохранился и неоднократно был предметом внимания исследователей. Воспользовавшись высказанными ранее наблюдениями, внесем в них некоторые уточнения:

⁶ См.: *Модзалевский Л. В., Дондуа В. Д.* Запись грузинской песни в архиве Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. № 2. М.; Л., 1936. С. 298–301 (здесь же см. фототипию записи песни); *Цявловский М. А.* Автограф стихотворения «Не пой, волшебница, при мне» // *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 378–389) (фототипия на с. 384–385); *Гинзбург С. Л.* Пушкин и грузинская песня (К истории создания стихотворения «Не пой, красавица, при мне») // Пушкин. Исследования и материалы. Тр. III Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 314–333.

⁷ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 364.

Текст пушкинского стихотворения первоначально был таков:

Не пой, волшебница, при мне
Ты песен Грузии печальной,
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный —
Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.
Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь... и при луне
Черты далекой, милой девы.
Не пой, волшебница, при мне
Ты песен Грузии печальной,
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.⁸

Второе четверостишие Пушкиным зачеркнуто, сбоку — слева от первых двух, поперек листа помечено пушкинской рукой: «Отослать куда следует»; под текстом, рядом с характерным росчерком, дата: «12 июня 1828», а ниже — другой, непушкинской рукой начертано: «Читал» и вензель из инициалов.

⁸ ПД 904. Попутно выскажем соображения, касающиеся хронологической соотнесенности записи грузинской песни и пушкинского стихотворения. Вполне очевидно, что Пушкин, работая над стихотворением «Не пой, волшебница, при мне...», слов «Весенней песни» еще не знал, иначе она должна была как-то повлиять на его интерпретацию. Наверное, только во время поездки на Кавказ в 1829 году Пушкин услышал живое исполнение этой песни, попросил кого-то записать ее и перевести. О том, что поэт соотнес ее с написанным им ранее стихотворением, свидетельствуют, как нам кажется, пушкинские рисунки в ПД 802: своеобразные иллюстрации ко второму (зачеркнутому) четверостишию (портрет Ермолова) и к третьему четверостишию (грузинка с «чертами далекой, милой девы») стихотворения.

Р. В. Иезуитова убедительно обосновала, что первоначальная дата, поставленная в автографе⁹, читалась «3 (исправлена на 12.— С. Ф.) июня». Что же касается двух других помет, то ее трактовка их по «ведомству III-го отделения» нам не кажется убедительной. Написанные сверху на левом поле листа слова мы склонны традиционно считать имеющими в виду композитора, для которого и был написан текст. Инициалы же в нижней (непушкинской) помете расшифровываются как «А. Г.» — то есть Александр Грибоедов. Таким образом, еще до отъезда из Петербурга (6 июня 1828 года) Грибоедов ознакомился с пушкинской интерпретацией напетой им грузинской песни.

Едва ли пушкинский текст его удовлетворил. И тогда, как нам представляется, Грибоедов сам напишет слова на ту же мелодию — стихотворение «Душа»:

Жива ли я?
 Мертва ли я?
 И что за чудное виденье!
 Надзвездный дом
 Зари кругом,
 Рождало мир мое веленье!
 И вот от сна
 Привлечена
 К земле ветшающей и тесной.
 Где рой подруг,
 Тьма резвых слуг?
 О, хор воздушный и прелестный!
 Нет, поживу
 И наяву
 Я лучшей жизнью, беспечной:
 Туда хочу,
 Туда лечу,
 Где надышусь свободой вечной!¹⁰

⁹ См.: Иезуитова Р. В. «Не пой, красавица, при мне» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 125—126.

¹⁰ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 236.

Это, конечно, тоже не перевод, но вполне явственное развитие темы, почерпнутой из первых трех строф грузинской песни, которые мы даем ниже по уточненному переводу В. Д. Дондуа:

Вновь созданная душа,
В Эдеме произращенная,
На мое счастье посаженная (как цветок),
От тебя ожидаю жизни,
ты бессмертие живое.
Луна двухнедельная,
(О ты,) светлая, сверкающая весна,
Ангел, вечный хранитель мой,
От тебя ожидаю жизни,
ты бессмертие живое.
(О ты,) пышная картина природы,
Заря усугубленная,
(О ты,) сияние, соединенное с любовью,
От тебя ожидаю жизни,
ты бессмертие живое...

Только в следующих строфах грузинской песни отчетливо проступит адресат ее: юная красавица, пробудившая страсть поэта. Грибоедов же переосмысляет ситуацию, словно дает слово самой душе, рожденной в раю. Как увидим ниже, это душа Поэта.

До отъезда из Петербурга в июне 1828 года, как это известно из сохранившейся записки Грибоедова («...Ваше любезное приглашение я могу принять не раньше как во вторник на будущей неделе. В среду я уезжаю», подлинник по-немецки)¹¹, он встречался с академиком Х. Д. Френом по поводу своих «будущих ученых занятий в Персии». Вполне возможно, что на этой встрече присутствовал и О. И. Сенковский, которому могли быть переданы Грибоедовым стихотворения «Душа» и «Восток».

Важным обстоятельством, позволяющим соотнести стихотворение «Душа» с «Весенней песней», является точное

¹¹ Там же. Т. 3. С. 145.

соответствие грибоедовского текста с мелодией, обработанной Глинкой. В одном отношении грибоедовский текст мелодически даже точнее пушкинского, так как сохраняет симметрию полустуший нечетных строк, вполне соответствующую музыке (пушкинский же текст поется: «Не пой, красавица, при мне...»).

Стихотворение «Душа» на первый взгляд кажется необычным для поэтической практики Грибоедова с его отчетливо-рационалистическим в основах своих мировоззрением.

Между тем духовный кризис нарастал в Грибоедове уже в пору создания его великой комедии. «Первое начертание этой сценической поэмы, — признавался он, — было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было»¹².

Это признание может показаться чуть ли не кокетством, по крайней мере, разительным самозаблуждением. Но оно будет вполне понятным, если мы поставим его в контекст не просветительских, а кантианских эстетических идей. Кант в «Критике способности суждения» много внимания уделил природе искусства. Он считал, что в истинно художественных творениях запечатлена иллюзия гармоничности мира, в земном, суетном проявлении (чувственном восприятии) всегда дисгармоничного, представляющего собою сферу столкновения частных интересов. Отсюда, по Канту, проистекает антиномичная двойственность искусства: предмет его — сухая и грубая проза жизни, художественная же форма — чарующий вымысел гения. Но именно этот-то вымысел и подлинно реален, так как в своей фантазии поэт прикасается (воспаряет) к миру чистых идей.

¹² Грибоедов А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 281.

Об этом, по сути дела, рассуждает Грибоедов и в своем «Отрывке из Гете», по-кантиански интерпретируя «Пролог в театре» из «Фауста»:

Когда природой равнодушно
Кружится длинновьющаяся прядь,
Кому она так делится послушно?
Когда созданы все — слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто соединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного течения?
Кто стройно размеряет их движенья
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды? <...>
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с землею.
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол — душа Поэта¹³.

Стихотворение «Душа» также интерпретирует тему грузинской песни в духе платоновского учения о бессмертной, вечно движущейся душе. «Поднебесные места, — пишет античный философ в диалоге «Федр», — никто еще из здешних поэтов не воспевает, да и не воспевает никогда, как следует. Объясняется это <...> тем, что эти места занимает бесцветная, бесформенная и неосязаемая сущность, в сущности своей существующая, зримая только для одного кормчего души — разума. Так как божественное размышление, а равно и размышление всякой души, поскольку она заботится воспринять надлежащее, питается умом и чистым знанием, душа, увидев, с течением времени, сущее, бывает довольна этим и, созерцая истину, питается ею и предается радости, пока круговращательное движение не перенесет ее в то место, откуда она вышла. Во время этого кру-

¹³ Там же. С. 229.

говращения душа созерцает самое справедливое, созерцает здравомыслие, не то знание, которому присуще рождение, и не то, которое изменяется при изменении того, что мы называем знанием теперь существующего, но то знание, которое заключается в том, что существует, как действительно существующее. Узрев также и все прочее, действительно существующее, и напитавшись им, душа опять погружается во внутреннюю область неба и возвращается домой»¹⁴.

Следует отметить, что в наше смутное время процитированные выше пушкинские строки о замеченной им в грузинской песне «восточной бессмыслице, имеющей свое поэтическое достоинство» неожиданно и в высшей степени несправедливо были оценены как проявление «имперского инстинкта». «Грузинская песня, — прочитали мы в газете “Свободная Грузия”, — занимает особое место в великой грузинской культуре, и, думается, ее упоминание в одном контексте с “восточной бессмыслицей” оскорбительно для нас. Очевидно, прежде чем писать о грузинской песне, следовало серьезно изучить её. (...) Разве можно судить о грузинской песне по городской мелодии, либо куплетам на майдане. К тому же, неужели Пушкин не понимает, что без мелодии текст песни часто теряет свои достоинства?..»¹⁵

Ну стоит ли так пристрастно передегивать смысл цитаты из Пушкина? Кажется, разгневанному критику остался неведом даже автор процитированной Пушкиным песни — Димитрий Туманишвили, известный грузинский поэт; в молодости он около трех лет жил в Петербурге в качестве мдивана (секретаря) при дворе последнего царя Грузии Георгия XII. Не вспомнил критик и пушкинское стихотворение «Не пой, красавица, при мне...», грузинской мелодией вдохновленное...

¹⁴ Творения Платона. Т. 5. Петроград, 1922. С. 125.

¹⁵ *Петфиашвили Г.* Письма русским писателям // Свободная Грузия. 4 мая. 1991. С. 4.

Сохранилось воспоминание очевидца, документирующее обстановку, в которой Пушкин наконец услышал «Весеннюю песню», — во время праздника, данного в честь русского поэта по приезду его в Тифлис в 1829 году. Традиционное грузинское гостеприимство растрогало Пушкина:

Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он тогда был проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голоса восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодарил всех нас за то торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят — и как это делает меня счастливым!» Когда он перестал говорить, — от избытка чувств бросился ко всем с самыми горячими объятиями и задушевно благодарил за все эти незабвенные для него приветы¹⁶.

Тот же мемуарист, перечисляя песни, которые были тогда исполнены для поэта, упоминает и песню «Ахали», т. е. «Весеннюю песню», которая этим словом начинается. Очевидно, именно тогда Пушкин и попросил записать для него ее текст.

Прочитывая (в своей обработке) песню в «Путешествии в Арзрум», Пушкин поразился, как некогда еще в 1823 году в Одессе он сам близко подошел к той же теме и к ее обработке Грибоедовым в стихотворении, вчерне записанном в его рабочей тетради. Ныне же это стихотворение печатается по сохранившейся копии М. В. Юзефовича (адъютанта Н. Н. Раевского-младшего) с пушкинского автографа, изготовленной в 1829 году на Кавказе. Стало быть, тогда и переписал набело свое стихотворение Пушкин!

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,

¹⁶ Письмо К. И. Савостьянова к В. П. Горчакову // Пушкин и его современники. Вып. 37. Л., 1928. С. 148.

От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего? Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой (II, 295).

Вот так сложно и неоднозначно развивалась встреча двух русских поэтов с грузинской песней.

Уместно в данном случае вспомнить строки Николоза Бараташвили в переводе Бориса Пастернака. Стихи эти посвящены дочери Александра Чавчавадзе Екатерине, сестре Нины Грибоедовой. Но здесь словно слышатся и звуки чонгури, откликающиеся в мелодиях русской музыки и по сию пору к нам обращенные:

...Я радость люблю и совсем не ворчун.
Свети мне, чтоб вновь на дорогу я вышел
И снова, коснувшись нетронутых струн,
В ответ твое дивное пенье услышал,
Чтоб в отдалении отзвук возник,
Чтоб нашим согласьем наполнились дали,
Чтоб, только повздоривши, мы через миг
Не помнили больше недолгой печали...¹⁷

¹⁷ Грузинские романтики. Л., 1978. С. 233.